

ВОСПИТАТЬ В СЕБЕ ГРАЖДАНИНА МИРА *

В нашем сложном и взаимозависимом мире предо-
сторожно тревожных, не оставляющих равнодушным
проблем. И все же на вопрос, какая из них «самая-
самая», отвечу: перемена психологии людей, наступив-
шая в XX в., — дегуманизация. Ужасные войны и испы-
тания, которые перенесли народы, привели к кризису
гуманизма. Сегодня преобладает рационалистское мы-
шление, и многие думают преимущественно о том, как
бы прожить собственную жизнь.

Характерный пример: малодетность интеллиген-
ции. Если кто-нибудь сейчас и имеет много детей, то
только не представители интеллигенции. В тех районах
и городах, где раньше главным образом «растили» ин-
теллигенцию, сегодня закрываются школы — нет де-
тей! Дело не в том, что отдельные нации множатся,
а другие нет. Дело в том, что в мире перестают вос-
производиться люди с обостренным чувством ответ-
ственности. Понятно, что родителями движет страх за
детей. Вот и не желают иметь их, дабы не подвергать
угрозе гибели в возможной ядерной войне. В результа-
те происходит общее снижение культуры во всем мире,
во всех странах, обусловленное падением, так сказать,
количественных и качественных параметров интелли-
генции. А интеллигентность — проблема не только во-
спитания и образования, но и генетическая.

Вместе с тем человечество вооружено открытиями
современной техники невероятно убойной, как говорят
военные, силы. Техника же, когда ею не руководят лю-
ди ответственные, совестливые, интеллигентные, мо-

---

* В основу этой статьи положено выступление Д. С. Лихачева на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» в феврале 1987 года. — Прим. ред.

жет представлять собой очень большую опасность. И вот меня беспокоит, что само накопление смертоносного оружия и постоянная угроза войны уже уничтожают людей. Уничтожают, сокращая рождаемость.

Я не верю в возможность атомной войны. Потому что простым нажатием кнопки, думаю, надеюсь, нельзя начать войну, как это утверждают. Все-таки предусмотрены какие-то технические средства безопасности. И еще, а вернее — прежде всего, уповаю на чувство ответственности тех людей, чьи руки лежат на этой кнопке. Не могу представить, что кто-нибудь возьмет на себя грех уничтожить все человечество, и надеюсь, к ядерному оружию не будут допущены психически неуравновешенные люди. Правда, само накопление ядерного оружия меняет нашу психологию. И меняет к худшему.

Где выход из такого положения? Человечество должно почувствовать свое единство в сфере культуры. Нужно ясно осознать, что культурные ценности, накопленные народами, не принадлежат какому-нибудь муниципалитету, музею, ведомству или даже отдельной стране. Они принадлежат всему человечеству. И поэтому первый практический шаг, как мне кажется, должен заключаться в объединении всех людей культуры. Но объединить их надо не в какое-то замкнутое сообщество, где бы рассуждали, как сохранить культуру. Объединить нужно для того, чтобы создать юридический кодекс ее защиты.

Мы должны думать и о культуре инков, и о культуре африканских народов. И о Кижах на Онежском озере, и о Томске в Сибири. И об Анкаре в Турции, и об Ангкоре в Камбодже*. Каждое из этих памятных мест принадлежит не турецкому государству, не советскому и камбоджийскому государствам, они — достояние человечества. Все земляне за них ответственны. И должен быть создан Интернационал культуры. Таково мое глубокое убеждение.

И кроме того, вот что мне кажется очень существенным. Человек в ответе не только за собственное выживание. Ведь вопрос стоит о спасении всего многообразия жизни (кому бы она ни принадлежала — рыбам,

* Ныне Государство Камбоджа. — Прим. ред.

птицам, насекомым, растениям), которая и есть высшая ценность. Но единственное живое существо на земном шаре, наделенное даром слова, — Человек. Он, обладающий речью и сознанием, — единственная надежда всей жизни на Земле.

Вот я и предложил создать юридический кодекс защиты прав животных. Ведь они зависят от нас и ждут нашей протекции. Имею в виду не только китов и зубров. Словом, не только тех, кто в Красных книгах, потому что эти книги фактически ничего не охраняют. Нужно создать юридический кодекс защиты прав всего сущего.

Не утопия ли это — сохранить жизнь на планете? Я так не считаю. Верю, что общественное мнение способно эффективно воздействовать на правительства в нужном направлении. Я бы только несколько расширил понятие «общественное мнение». Нужна перестройка нашего мышления. И она уже началась. Она же повлечет изменение нашего поведения.

Убежден, что жизненно необходимы такие труды, как История человеческой совести. При условии: ее должны писать люди действительно совестливые. И еще. Ни в коем случае нельзя доверять создание такого труда какой-то организации или коллективу авторов. Не верю в коллективные труды, не верю в то, что «Сикстинскую мадонну» мог бы написать коллектив художников. Я верю в индивидуальность человеческого гения. История человеческой совести может быть интересной только в том случае, если ее напишут талантливые индивидуальности и если в ней отразится совесть авторов.

Нужно, чтобы за такой труд взялись крупные общественные и философские умы разных стран. История совести должна быть и историей ошибок — отдельных государств, политиков, и историей совестливых людей и совестливых государственных деятелей. Поэтому я стою за написание многих трудов по истории человеческой совести. История литературы — прекрасно! История искусства — прекрасно! Но умы сейчас должна занимать история человеческой совести.

Представляю ее себе не как узконаучный труд, который никто не будет читать, а как произведение, подытоживающее все доброе, что есть в цивилизации. Не ис-

ключая религию, литературу, искусство, науку. Совесть, как она выражена в фольклоре и языке, как она проявилась в защите малых народов. Я особенно это подчеркиваю. Ведь человечество страдает еще и от того, что крупные народы с мировыми языками кое-где поглощают малые, с их бесценными сокровищами — фольклорными и лингвистическими, с обычаями и историей. Они исчезают на наших глазах бесследно. Есть очень много народов, которые насчитывают по 600—700 человек. Говорят, даже где-то на востоке Сибири есть народность, от которой сохранилось только двое. Нужно во что бы то ни стало записать их язык, так как это одна из величайших ценностей.

История совести должна создаваться под знаком борьбы со всякого рода национализмом — страшной опасностью наших дней. Настало время мыслить категориями макросоциума. Каждый должен воспитать в себе Гражданина мира — независимо от того, в каком полушарии и стране он живет, какого цвета его кожа и какого он вероисповедания.

Это ничуть не во вред национальным, патриотическим чувствам людей. Приведу наглядный житейский пример. Если в семье все любят друг друга, то к ней тянутся и другие семьи, она богата на друзей. Вот такими мне представляются и отношения народов. Если люди в своей стране будут любить, ценить все лучшее, что у них есть, они неизбежно сохранят дружественные отношения и с остальными народами. Будут ценить и уважать то, что создано другими.

Так что доброта внутри нации есть доброта и к другим нациям. Это взаимозависимые вещи. Всякого рода национализм я рассматриваю как психологическую не-нормальность. Даже, сказал бы, психиатрическую не-нормальность, потому что она иногда идет от чувства собственной неполноценности. Если народ действительно уважает себя, он застрахован от комплекса неполноценности и никогда не потерянется, не растворится среди других. Такова абсолютная истина: общение народов между собой способствует развитию их собственных культур. Эту мысль я много раз повторял и считаю необходимым повторять еще и еще, потому что она по-прежнему актуальна.

Прожив 80 лет, с глубоким сожалением вижу: после

трагического опыта фашизма, нацизма рост национализма продолжается. Не могу этого понять. Причем уроков не извлекают и ошибки повторяют те, кто в прошлом сам страдал от национализма... Это противоречит рассудку.

Не думаю, что перелом в нашем мышлении, понимание всеми глобальных задач выживания, осознание неотложной необходимости покончить с потребительским отношением к миру и природе произойдут при моей жизни. Для этого понадобятся еще десятки лет. Дело очень непростое, но иного разумного пути нет.

Я верю в высший разум, потому что, наблюдая за Природой, за деятельностью людей, интересуясь различными науками, вижу, насколько целесообразно устроен мир. Потому и выступаю против бездумного поворота рек и других опрометчивых попыток сделать лучше, чем создала Природа.

В Природе все устроено так, что не приходится сомневаться: существует какой-то необыкновенный разум, действовавший миллионы лет, предоставивший Природе свободу, которая не равнозначна хаосу, ибо она, в общем, привела к очень важным и хорошим результатам. Не хочу, чтобы эти результаты менялись.

Думаю, к мысли о существовании такого разума приходят очень многие. Это не значит, что нужноходить в какую-либо церковь или молитвенное учреждение. Меня совершенно неверно поймет тот, кто в сказанном узрит нечто идеалистическое, религиозное, мистическое. Ничего подобного. Дело заключается в другом: в осознании, что Природа имеет высший разум, который непросто переделать. И не переделывать нужно, а искать гармонии с Природой — вот к чему я призываю! А для этого прежде надо добиться гармонии среди всех нас — обитателей планеты Земля. Я в это верю, потому что верую в Разум и Совесть Человека.

1987